

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ХАДЖИ-МУРАТ»

Фатих Мюджахит Али Гюннар

*Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь, russchair@gsu.by*

Описываются употребляющиеся в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» экзотизмы, то есть заимствованные слова, использующиеся для названия лиц, неодушевленных предметов и явлений культуры других народов, в данном случае – мусульманских народов Кавказа. Приводятся формулы традиционного этикетного поведения, выявляются тематические группы экзотизмов, устанавливаются функции экзотической лексики в рассматриваемом художественном тексте.

Ключевые слова: экзотизмы; повесть «Хаджи-Мурат»; национальный колорит; тематические группы; функции экзотизмов в тексте.

Повесть Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат», которую писатель создавал в течение восьми лет, посвящена войне горцев Кавказа за свою независимость во времена царствования Николая I. Главным героем произведения является соратник Шамиля, вождя горцев, свободолюбивый, смелый и мужественный Хаджи-Мурат, чья трагическая судьба не могла не привлечь внимания великого русского писателя. Хаджи-Мурат оказывается в ситуации выбора между Шамилем и русским царем, но эти обстоятельства усложняются тем, что по закону горцев он должен мстить и тому, и другому.

Описывая жестокую реальность войны, Л. Н. Толстой выступил как гуманист, поскольку он «отрицал революционные методы преобразования общества и вообще политическую борьбу, а призывал к нравственному самосовершенствованию каждого отдельного человека в духе христианской морали». Симпатии Толстого, проповедовавшего идею непротивления злу насилием, несомненно, находятся на стороне главного героя, в образе которого он «воспел мужество, силу и стойкость человека в борьбе за все то, что было дорого ему, что составляло его счастье – честь, семья, жизнь» [1, с. 399].

Морально-нравственная позиция Л. Н. Толстого проявилась в реалистическом показе событий войны и в обрисовке горцев, их материальной и духовной культуры. Важно при этом отметить, что в своем произведении Толстой стремился быть объективным ко всем персонажам: «Автор предъявляет к людям единый критерий оценки и выявляет в человеке то,

насколько тот порядочен, честен, добр, бесхитроsten, способен ли сострадать и нести персональную ответственность за свои поступки, умеет ли видеть красоту окружающего мира» [2, с. 168].

Существенную роль в повести «Хаджи-Мурат» играют художественные детали, относящиеся к обрисовке поведения главного героя: с их помощью писатель показывает своеобразие кавказского менталитета, выражает уникальность, экзотичность некоторых поступков горцев, почти или вовсе не понятных для русских.

Важное значение имеет, в частности, описание реального межкультурного диалога. Отвечая на вопрос одного из офицеров, понравилось ли Хаджи-Мурату на балу у главнокомандующего Воронцова, где было много нарядных женщин, горец, уходя от прямого ответа, подчеркивает значимость для него национальных традиций: *«У каждого народа свои обычаи. У нас женщины так не одеваются»*. С той же деликатностью Хаджи-Мурат подтверждает свою позицию народной пословицей: *«У нас пословица есть, – сказал он переводчику. – Угостила собака ишака мясом, а ишак собаку сеном – оба голодные остались. – Он улыбнулся. – Всякому народу свой обычай хорош»*.

Прощаясь с близкими ему по духу русскими – Марьей Дмитриевной и Иваном Матвеевичем – Хаджи-Мурат в соответствии с адатом – древним мусульманским обычаем – дарит вещи, которые им понравились: женщине – белую бурку (*Ты похвалила бурку – возьми*), а офицеру – боевую шашку, но при этом отказывается от ответного подарка – коня, выражая свой поступок невербально, с помощью жестов: *Хаджи-Мурат помахал рукой перед лицом, показывая этим, что ему ничего не нужно и что он не возьмет, а потом, показав на горы и на свое сердце, пошел к выходу*. Комментируя данный эпизод, З. И. Гасанова замечает: «Описательный образ первого жеста понятен, а жест в сторону гор и на свое сердце экспрессивен и несет специфическую этнопсихологическую информацию, то есть Хаджи-Мурат, очевидно, хотел сказать, что сердце его осталось в горах и, кроме гор, ему ничего не нужно» [3, с. 82].

Национально-культурную специфику имеют также формулы традиционного кавказского этикета, связанные со встречей гостя: *«Приход твой к счастью»*, – сказала она и стала раскладывать подушки у передней стены для сидения гостя. – *«Сыновья твои да чтобы живы были»*, – ответил Хаджи-Мурат, сняв с себя бурку, винтовку и шашку, и отдал их старику. Прощаясь с хозяевами, главный герой повести искренне выражает им свою признательность, произнося благопожелание: *Хаджи-Мурат беззвучно, незаметно перекинув тело, неслышно сел на высокую подушку седла. «Бог да воздаст вам!» – сказал он, обращаясь к хозяину*.

Согласно традиционному кавказскому гостеприимству, особенно значимым считается сохранение хозяином дома благополучия и безопасности кунака – друга, приятеля, оказавшегося тем более в небезопасной для него ситуации: *Садо считал своим долгом защищать гостя – кунака, хотя бы это стоило ему жизни, и он радовался, гордился собой за то, что поступает так, как должно. «Пока ты в моем доме и голова моя на плечах, никто тебе ничего не сделает», – повторил он Хаджи-Мурату.*

Реалистическому изображению действительности в повести «Хаджи-Мурат» содействуют многочисленные экзотизмы – «слова и выражения, заимствованные из малоизвестных языков и употребляемые для придания речи особого колорита» [4, с. 214]. Такие слова представлены в анализируемом произведении несколькими тематическими группами:

а) названия лиц; к данной группе относится слово, которое является частью имени главного героя – *хаджи*, обозначающее мусульманина, совершившего религиозное паломничество в Мекку; *мюрид* ‘последователь мистического направления в исламе’; *мюришид (муришид)* ‘учитель, наставник’; *кунак* ‘у кавказских горцев: лицо, связанное с кем-л. обязательством взаимной дружбы, защиты, гостеприимства; друг, приятель’; *джигит* ‘у горских народов Кавказа: искусный и отважный наездник, удалец’; *хан* ‘у тюркских народов: титул феодального правителя; лицо, носящее этот титул’; *нукер* ‘у горских народов Кавказа в XIX в.: воин личной охраны военачальника, слуга’; *имам* ‘духовный глава мусульман’; ‘в мусульманском государстве: титул правителя, соединяющего в своем лице светскую и духовную власть’; ‘в мечети: духовное лицо, руководящее богослужением’; *мулла* ‘священнослужитель, знаток Корана и религиозных обрядов у мусульман’; *наиб* ‘в мусульманских странах: заместитель, помощник какого-либо начальника или духовного лица’;

б) названия предметов домашней утвари, пищи, одежды, головных уборов и обуви: *кумган* ‘у тюркских народов и кавказских горцев: сосуд в виде высокого узкогорлого кувшина с носиком, ручкой и крышкой’; *пельгиши* ‘пельмени или клецки с начинкой’; *чурек* ‘пресный хлеб в форме большой лепешки, выпекаемый на Кавказе’; *чувяки* ‘у жителей Кавказа: кожаная обувь с мягкой подошвой’; *бешикет* ‘у тюркских и кавказских народов: верхняя стёганая мужская одежда, подпоясываемая в талии’; *чалма* ‘мужской головной убор у мусульман’; *папах* ‘высокая меховая шапка’; *бурка* ‘распространённый на Кавказе безрукавный плащ белого, чёрного или бурого цвета, сделанный из войлока’.

в) отвлеченные понятия: *хазавет (газавет)* ‘предписанная Кораном священная война, объявляемая мусульманами иноверцам с целью распространения ислама’; *байрам (курбан-байрам)* ‘исламский праздник окончания

хаджа'; *адат* 'у народов, исповедующих ислам: традиционные правила, дополняющие религиозные законы (побратимство, умыкание невест, брачно-свадебные обряды и т. п.)'; *намаз* 'мусульманский религиозный обряд, состоящий из молитвы, сопровождаемой установленными телодвижениями, и из ритуального омовения, предшествующего молитве';

г) названия селений, зданий и сооружений: *аул* 'на Северном Кавказе, в Средней Азии: селение'; *мечеть* 'у мусульман: молитвенный дом'; *сакля* 'жилище кавказских горцев'.

Лексические экзотизмы употребляются Л. Н. Толстым в тексте повести «Хаджи-Мурат» с различными целями. Прежде всего, их активно использует сам автор произведения, вводя читателя в непривычное инокультурное пространство. Известно, что Л. Н. Толстой, неоднократно бывавший на Кавказе, знал жизнь горцев и их язык, что позволило писателю в отдельных случаях пояснять значение экзотизмов: *Беги в мечеть, зови отца, – приказал ему старик и, опередив Хаджи-Мурата, отворил ему легкую скрипнувшую дверь в саклю; Вошел мюрид Хаджи-Мурата и, мягко ступая большими шагами своих сильных ног по земляному полу, так же как Хаджи-Мурат, снял бурку, винтовку и шашку; Это был человек, вполне преданный своему мюридиду, спокойный, сильный и твердый; Жена Садо несла низкий круглый столик, на котором были чай, пильгиши, блины в масле, сыр, чурек – тонко раскатанный хлеб – и мед. Девочка несла таз, кумган и полотенце; Хаджи-Мурат засучил рукава бешимета на мускулистых, белых выше кистей руках и поставил их под струю холодной прозрачной воды, которую лил из кумгана Садо; Женщина с крыши видела, как ты ехал, – сказал он, – и рассказала мужу, а теперь весь аул знает; «Ламорой твой Шамиль», – сказал Хан-Магома, подмигивая Лорис-Меликову. «Ламорой» было презрительное название горцев; Он взял из-под подушки свой черный ватный бешимет и пошел в помещение своих нукеров; Совершив утренний намаз, Хаджи-Мурат осмотрел свое оружие.*

Во многих случаях экзотизмы в повести «Хаджи-Мурат» выступают ярким средством речевой характеристики персонажей, придавая ей неповторимый колорит и своеобразие, а также для описания внешнего вида горцев: «Он кто?» – спросил старик у Хаджи-Мурата, указывая на вошедшего. – «Мюрид мой. Элдар имя ему», – сказал Хаджи-Мурат; «Якши, хорошо», – сказал Хаджи-Мурат и ушел в спальню; «Умеешь писать?» – «Я готовился быть муллой»; Хаджи-Мурат был одет в длинную белую черкеску на коричневом, с тонким серебряным галуном на воротнике, бешимете. На ногах его были черные ноговицы и такие же чувяки, на бритой голове – папах с чалмой.

При использовании экзотизмов Л. Н. Толстой иногда приводит для них русские соответствия, выступая тем самым в роли «переводчика», транслятора другой культуры: *«**Не хабар?**» – спросил Хаджи-Мурат старика, то есть: «**Что нового?**» – «**Хабар иок**» – «**Нет нового**», – отвечал старик, глядя не в лицо, а на грудь Хаджи-Мурата.*

Экзотизмы искусно «вплетаются» писателем в речь и чеченцев, и русских, что позволяет создать в их непростых отношениях атмосферу доверия и взаимопонимания: *«Кто идет?» – крикнул он. «Чечен мирная, – заговорил тот, который был пониже; это был Бата. – Ружье **иок**, шашка **иок**», – говорил он, показывая на себя; «Ну, благодарю, – сказала Марья Дмитриевна, взяв бурку. – Дай бог вам сына выручить. **Улан якиш**, – прибавила она.*

Приведенный материал убеждает в том, что употребление Л. Н. Толстым экзотической лексики в повести «Хаджи-Мурат» создает своеобразный «кавказский текст», то есть «этнически, культурно, ментально обусловленные фрагменты языковой картины мира горцев, сформировавшиеся в результате деятельности народа в определенный период его развития» [5, с. 101].

Библиографические ссылки

1. Ахмадова Т. Х. Замысел создания повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Мир науки, культуры, образования. №2 (81). 2020. С. 398–400.
2. Масолова Е. А. Антропонимы в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Проблемы исторической поэтики. 2018. Том 16. № 2. С. 158–173.
3. Гасанова З. И. Невербальные средства общения как способ изображения горского менталитета в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Научная мысль Кавказа. 2008. № 3. С. 79–83.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. Энциклопедия, 1966.
5. Джаубаева Ф. И. Кавказский текст: язык и культура горцев в произведениях Л. Н. Толстого // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 3 (32). С. 98–101.